

© 2024. Е. А. Федорова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,
Ярославль, Россия

«Великие грешники» и праведники Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского в свете этического учения А. А. Ухтомского

*Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского
научного фонда по проекту № 23-28-01302 <https://rscf.ru/project/23-28-01302/>
«Методология аксиологического подхода к изучению русской словесности
А. А. Ухтомского и Д. И. Чижевского»*

Аннотация: В статье на материале повестей Л. Н. Толстого «Отец Сергей», «Фальшивый купон», «Алеша Горшок» и романов Ф. М. Достоевского «Подросток», «Братья Карамазовы» предлагается типология праведных героев. У «великих грешников» Достоевского и Толстого есть евангельские прототипы — блудный сын и «благоразумный разбойник». Вместе с тем, у обоих писателей есть статические персонажи, — праведники, несущие христианские идеалы. В поздних повестях Толстого и романах Достоевского присутствует телеологический сюжет, который включает в себя сюжетные мотивы испытания, выбора героя и его движения к спасению. Обращение к этическому учению А. А. Ухтомского, созданному на материале произведений Толстого и Достоевского, позволяет выделить доминанту героя, которая предполагает отказ от эгоцентризма и определяет его спасение, а также «двойников» и «собеседников» героя, способных пробудить его самосознание. Сопоставление круга чтения Толстого и Достоевского показывает их внимание к творениям Иоанна Лествичника, Исаака Сирина, Тихона Задонского.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. А. Ухтомский, праведники, евангельские притчи, телеологический сюжет, мотивы, доминанта.

Информация об авторе: Елена Алексеевна Федорова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики коммуникации, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, д. 14, 150003 г. Ярославль, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7756-2499>

E-mail: sole11@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 21.12.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 03.02.2024

Дата публикации статьи: 25.03.2024

Для цитирования: Федорова Е. А. «Великие грешники» и праведники Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского в свете этического учения А. А. Ухтомского // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 1. С. 210–231. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-1-210-231>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 6, no. 1, 2024, pp. 210–231. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 6, no. 1, 2024, pp. 210–231. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2024. Elena A. Fedorova

P. G. Demidov Yaroslavl State University
Yaroslavl, Russia

“Great Sinners” and Righteous People of L. N. Tolstoy and F. M. Dostoevsky in the Light of A. A. Ukhtomsky’s Ethical Teaching

Acknowledgments: The work was carried with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-01302 “Methodology of the Axiological Approach to the Study of Russian Literature by A. A. Ukhtomsky and D. I. Chizhevsky”, <https://rscf.ru/project/23-28-01302/>

Abstract: The article proposes a typology of righteous heroes on the material of L. N. Tolstoy’s stories “Father Sergius,” “False Coupon,” “Alyosha the Pot,” and F. M. Dostoevsky’s novels “Teenager,” “The Brothers Karamazov.” The “great sinners” Dostoevsky and Tolstoy have gospel prototypes — the prodigal son and the “prudent thief” At the same time, both writers have static characters — righteous people carrying Christian ideals. In the later stories of Tolstoy and the novels of Dostoevsky, there is a teleological plot, which includes the plot motifs of the test, the choice of the hero, and his movement toward salvation. Turning to the ethical teaching of A. A. Ukhtomsky, created based on the works of Tolstoy and Dostoevsky, allows us to highlight the dominant character of the hero, which involves the rejection of egocentrism and determines his salvation, as well as the hero’s “doubles” and “interlocutors” who are capable of awakening his self-awareness. A comparison of the reading range of Tolstoy and Dostoevsky shows their attention to the works of John Climacus, Isaac the Syrian, and Tikhon of Zadonsk.

Keywords: F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy, A. A. Ukhtomsky, righteous people, gospel parables, teleological plot, motifs, dominant.

Information about the author: Elena A. Fedorova, DSc in Philology, Associate Professor, Professor, Department of Theory and Practice of Communication, P. G. Demidov Yaroslavl State University, Sovetskaya St., 14, 150003 Yaroslavl, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7756-2499>

E-mail: sole11@yandex.ru

Received: December 21, 2023

Approved after reviewing: February 03, 2024

Published: March 25, 2024

For citation: Fedorova, E. A. “Great Sinners” and Righteous People of L. N. Tolstoy and F. M. Dostoevsky in the Light of A. A. Ukhtomsky’s Ethical Teaching.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 1, 2024, pp. 210–231. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-1-210-231>

Алексей Алексеевич Ухтомский (1875–1942) — это не только известный ученый-физиолог, но и религиозный мыслитель, создатель этического учения, которое позволяет исследовать духовно-нравственную проблематику литературных произведений. Принцип доминанты и закон «заслуженного собеседника» Ухтомский сформулировал на материале романа Л. Н. Толстого «Война и мир», повести Ф. М. Достоевского «Двойник» и романа «Братья Карамазовы», поэтому его работы могут являться методологическим основанием для исследования произведений русских писателей. В записных книжках 1927 г. Ухтомский дает определение «двойнику», обращаясь к одноименной повести Достоевского [Ухтомский 2002: 397–398]. В этическом учении Ухтомского центральное место отводится доминанте личности, которая определяет мысли и поступки человека: «Наши доминанты, наше поведение стоят между нами и миром, между нашими мыслями и действительностью» [Ухтомский 1996: 249].

В Рыбинском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике хранится часть библиотеки Ухтомского с его маргиналиями. Опубликованная в 1923 г. статья ученого «Доминанта как рабочий принцип нервных центров», описывающая три фазы формирования доминанты на примере Наташи Ростовской на балу [Ухтомский 2002: 40–42], сопровождается заметками Ухтомского на полях, где он размышляет о роли доминанты в судьбе человека: «Всякому напряженному стремлению, всякой доминанте дается добиться своего. Но это может быть и губительно для их носителя. И в этом — Суд, т. е. в самом высшем смысле Судьба человека. Переоценка под страхом смерти стремлений и доминант человека — вот совесть внутри человека и судьба вне его» [Ухтомский 1923: 43].

Доминанта как главенствующее направление мысли и деятельности человека, по мнению Ухтомского, определяет судьбу человека. Если человек смотрит на мир, исходя из своих эгоистических побужде-

ний, если он видит в окружающих нечто негативное, что несет в себе, то торжествует его «двойник», который искажает его картину мира. Освобождение от «двойника» помогает человеку подняться на другой уровень коммуникации, который Ухтомский называет «собеседованием». Перенесение доминанты с себя на другого открывает человеку «лицо Другого». Для Ухтомского «двойник» — это выражение эгоизма и индивидуализма человека, мешающего понять духовные глубины другого. Этическая функция «двойника» схожа с этической функцией смерти. Заглянув в бездну, человек стоит перед выбором: обретение новой жизни в Божественном бытии или уход в ничто. Опора на Предание слова и быта, обращение к христианским символам позволяют личности включить себя в единство всего этического мира и найти свое место в жизни.

В поздних произведениях Достоевского и Толстого содержится телеологический сюжет, который включает в себя мотивы испытания, выбора героя и движение к спасению. Во время выбора раскрывается доминанта героя или народа, основанная на самоутверждении или самопожертвовании (оппозиция «безобразия» — «благообразия» у Достоевского и Толстого) [Федорова].

Обращение к историографии проблемы «Праведники Достоевского и Толстого» обнаруживает два аспекта проблематики: 1) соответствие праведничества героев традиционным представлениям о Православии; 2) общие черты поэтики художественных произведений. Первая проблема была поднята К. Н. Леонтьевым [Леонтьев], который обвинил в неортодоксальности взглядов Достоевского и Толстого, что вызвало горячий отклик у Н. С. Лескова [Лесков], вставшего на защиту писателей. Споры были продолжены П. Е. Астафьевым [Астафьев], А. А. Козловым [Козлов], А. Ф. Гусевым [Гусев], Е. Бобровым [Бобров], Д. Аннинским [Аннинский], С. Г. Бочаровым [Бочаров], А. Б. Тарасовым [Тарасов] и др. Заслуживает внимания статья Л. Розенблюм, в которой показана динамика заочных отношений Толстого и Достоевского. Сближение в мироощущении двух великих писателей после выхода в свет романа «Анна Каренина» определяется исследователем как следование христианскому идеалу [Розенблюм].

Сопоставление героев Достоевского и Толстого, которых можно назвать «великими грешниками», осуществлено Р. Г. Назировым, нашедшим фабулу «о возрождении грешника» в последних романах

Достоевского и Толстого [Назиров 2020: 211–233]. В романе Толстого «Воскресение» Назиров видит аллюзии к романам Достоевского «Идиот», «Братья Карамазовы» [Назиров 2020: 230]. Но если Назиров показывает общие фабульные составляющие романов Достоевского и Толстого, то С. М. Климова [Климова] и И. Ю. Матвеева [Матвеева] останавливаются на полемике Толстого с Достоевским. В настоящее время появляются исследования, в которых подчеркивается различие между способами изображения праведников у Толстого и Достоевского. Так, К. А. Родин, сопоставляя Союю Мармеладову («Преступление и наказание» Достоевского) и Пашеньку («Отец Сергей» Толстого), замечает, что голос Сони звучит в монологах Раскольникова и побеждает в его сознании, а «Пашенька не голос и не сознание. Через Пашеньку Бог действует в тайном молчании» [Родин: 500].

Вопрос христианских источников позднего творчества Толстого поднял в середине XX в. представитель Русского Зарубежья, известный славист Д. И. Чижевский. В частности, он обнаружил в повести «Отец Сергей» аллюзии к «Слову о черноризце» из Пролога [Cyzevskiy]. Г. Р. Янг обратился к теме чуда в поздних произведениях писателя [Jahn]. На рубеже XX–XXI вв. зарубежных исследователей заинтересовала проблема ортодоксальности религиозных взглядов Толстого и Достоевского [Mclean], [Müller]. В западной науке, как и в отечественной, превалирует идея противостояния Толстого Православной Церкви.

В целом интерес к религиозной проблематике творчества Толстого и Достоевского в большей степени преобладает у американских и английских исследователей. Особенно показательны в этом отношении книги М. Джонса «Достоевский и религия» [Jones], В. Терраса «Читая Достоевского» [Terras], а также сборник Кембрижского университета «Достоевский и христианская традиция» [Dostoevsky and the Christian Tradition]. Однако тип праведника или «великого грешника» понимается зарубежными исследователями специфично. Так, Ж. Катто предлагает следующую типологию героев Достоевского: борцы, бунтари (Раскольников, Ставрогин, Шатов, Кириллов, Версилов, Дмитрий и Иван Карамазовы) и христиане, озаренные светом (Мышкин, Союя Мармеладова, Марья Лебядкина, Макар Долгорукий, старцы Тихон и Зосима) [Catteau]. Очевидно, что исследователем не учитывается при этом динамика личности. В Японии все обстоит еще сложнее. В Мышкине, например, исследователи в основном находят внутренние про-

тиворечия и отрицательные черты. Монография Симидзу (2013), несмотря на традиции Куросавы и исследование Такахаси (2011) романа «Идиот» и его экранизации в Японии, предлагает именно такой взгляд на «положительно прекрасного» героя Достоевского [Саису].

По мнению А. П. Скафтымова, при интерпретации художественного произведения необходимо учитывать авторские идеалы. В романе «Идиот» гордым героям противопоставит «человек без самолюбия», представленный в образе князя Мышкина. Его отличает склонность к состраданию, умение прощать и быть прощенным, возможность ощутить полноту любви. Как отмечает Скафтымов, «любовь, как последнее счастье и радость жизни, это начальная и конечная точка духовного света Мышкина» [Скафтымов 2007: 171]. В статье «Тематическая композиция романа “Идиот”» (1922–1923) А. П. Скафтымов впервые утверждает телеологический принцип, который позволяет «сосредоточиться на выяснении «идейного наполнения образов», погрузиться во «внутренний состав» произведения [Скафтымов 2017: 135]. В статье «К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы» (1924) Скафтымов определяет задачу теоретического анализа произведения — установление иерархической шкалы телеологически направленных ценностей. Телеологический принцип организации системы образов исследователь обнаруживает не только в романе Достоевского «Идиот», но и в трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» и в романе «Война и мир» [Скафтымов 2017: 134–137].

Можно вслед за А. Б. Тарасовым констатировать, что герои-праведники Толстого и Достоевского являются исключительным явлением в мировой литературе [Тарасов 2006: 21]. А. Б. Тарасов понимает под праведничеством «социокультурный феномен, соединяющий в себе опыт напряженной духовной жизни, онтологической причастности человека к миру идеального бытия, к высшей правде и практику воплощения идеала в условиях повседневной жизни» [Тарасов 2006: 12]. По мнению исследователя, поздние повести Толстого, независимо от взглядов писателя, ориентированы на православные ценности, поскольку героями в них являются люди, способные на служение Богу и людям, онтологически приобщенные к миру идеального бытия» [Тарасов 2006: 27]. А. Б. Тарасов считает, что народные рассказы и поздние повести Толстого «близки текстам древнерусской письменности, так

как они выполняли не только эстетическую, но и проповедническую, духовно-назидательную функции» [Тарасов 2005: 415].

Е. С. Роговер сопоставляет главного героя повести Толстого «Фальшивый купон» с героем Достоевского — Раскольниковым [Роговер: 110] и отказывает Толстому в художественной правде преобразования этого персонажа, считая, что Толстой-художник в этом произведении уступает место проповеднику [Роговер: 115]. Героиню повести, Марию Семеновну, он сопоставляет с Алешей Горшком из одноименного рассказа Толстого [Роговер: 110]. Исследователи по-разному воспринимают динамику личности кающихся грешников Толстого: если К. К. Полнова рассматривает типологию героев Толстого с точки зрения возможности преодоления ими грехов [Полнова], то И. Ю. Матвеева описывает мистическое преобразование героев [Матвеева].

Л. Е. Кочешкова в рассказе «Алеша Горшок» обнаруживает аллюзии на произведения народной литературы и на гомеровский эпос, в главном герое находит черты фольклорного Иванушки-дурачка и в то же время святого [Кочешкова: 17–18]. Е. В. Фаленкова показывает этапы преобразования отца Сергия как движение странника, обретающего Духовное Отечество: падение (невозможность противостоять греху), преобразование (очищение души покаянием) и воскресение (обретение духовной свободы, служение высшим идеалам) [Фаленкова: 21–23]. Источником для Толстого, по мнению исследователя, является святоотеческое понимание покорения воле Божией и, в том числе очищение души покаянием, на которое указывает преп. Исаак Сирин [Фаленкова: 22].

Думается, что недостаточно изученной остается проблема источников творчества писателей. А. К. Черткова в статье «Л. Н. Толстой и его знакомство с духовно-православной литературой» [Черткова] приводит конкретный материал, который свидетельствует о широте знакомства писателя с духовно-нравственной литературой: это «Добротолубие», Прологи, творения Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника, Тихона Задонского. Опыт реконструкции библиотеки Достоевского, осуществленный коллективом Института русской литературы РАН, дает возможность выяснить, что источниками для последних романов этого великого писателя стали труды Святых Отцов — Исаака Сирина, Иоанна Синайского, Нила Сорского, Тихона Задонского и др. [Библиотека Достоевского]. Оставляя в стороне обличительный пафос позд-

них произведений Толстого, остановимся на святоотеческих источниках его творчества и осуществим аксиологический подход к текстам Достоевского и Толстого, опираясь на этическое учение Ухтомского.

На полях своей настольной книги «Добротолюбие» (1895), которая хранится в Рыбинском музее-заповеднике, Ухтомский упоминает Толстого и Достоевского. В наставлениях Иоанна Лествичника Ухтомский подчеркивает слова о «любящих Бога», которые мужественно переносят все беды, не теряя упования на Господа. Рядом мыслитель оставляет заметку, в которой цитирует роман Достоевского «Братья Карамазовы»: «М.Б. это-то и значит, что “прежде всего надо полюбить жизнь” (Достоевский)» [Добротолюбие: 412]. У Толстого Ухтомский находит тип праведника, о котором пишет преп. Иоанн Лествичник: «Ничто не приносит столько пользы ближним, как смиренный и непритворный нрав, и такое же слово». Рядом Ухтомский пишет: «Ср. “о. Сергей” у Л. Н. Толстого» [Добротолюбие: 643].

Много размышлений вызывают у мыслителя понятия «естественный», «душевный» и «духовный» человек. Ухтомским подчеркнута в наставлениях Ефрема Сирина черными и красными чернилами: «Апостол людей поступающих естественно назвал душевными, а поступающих противоестественно — плотскими; духовные же суть те, которые и естество преобразуют в духе» [Добротолюбие: 342]. Внизу слов о человеке душевном Ухтомский делает заметку карандашом: «К анализу понятия “естественный”» [Добротолюбие: 342].

Подчеркивая слова о богоугодной жизни, Ухтомский пишет рядом: «Поставь доминанту на научение доброму, тогда в каждом человеке и своем собеседнике будешь черпать поучение доброе на доброе для обоих» [Добротолюбие: 443]. Духовная эволюция, замечает Ухтомский, должна привести человека от искусства и символов к благому молчанию и молитве, о которой написано: «...молитва подлинное исследование самого себя, чтение совести» [Добротолюбие: 678]. Высшая ступень развития человека духовного, по Иоанну Лествичнику, сравнивается с «новонасаженным деревом», а душа, «как водное орошение, имеет слезы по Богу» [Добротолюбие: 346]. Ухтомский пишет рядом: «Переход в некоторое новое состояние: “новая тварь”» [Добротолюбие: 346].

В своей записной книжке 1901 г. (эта запись опубликована в книге «Интуиция совести») Ухтомский размышляет о святости духа: «Истинная и прочная святость духа лишь там, где она достигнута реальною

и горячею борьбою с реальным и “действительным” (режущим руки) грехом; ибо лишь там душа прикасается действительной жизни духа, лишь там начинается реальность духовной жизни, настоящий религиозный опыт» [Ухтомский 1996: 336].

В романе «Подросток» Достоевского странник Макар Иванович Долгорукий открывает Подростку «благообразие». В черновиках к роману это слово повторяется несколько раз как цель жизненного стремления не только Аркадия, но и его отца Версилова [Достоевский 16: 411, 419, 420]. Авторская идея формулируется следующим образом: «Благообразие в Макаре, беспорядок в Версилове. Подросток хочет уйти от беспорядка» [Достоевский 16: 394]. При создании образа Версилова Достоевский ориентируется на героя Толстого — Левина [Достоевский 16: 401, 420] и противопоставляет ему Ростовых как «бывших», уже не существующих на Руси героев счастливых семейств [Достоевский 16: 419, 429]. Будущее, по мнению Достоевского, предполагает единение дворянства и народа: «Народная правда сольется с нашею, и мы пойдем вместе. Ближится время», — утверждает первоначально в исповеди Версилов [Достоевский 16: 431]. «Давай будем странниками», — призывает Версилов в рукописных вариантах романа [Достоевский 16: 419].

Из уст Макара Ивановича Аркадий слышит рассказ о купце Скотобойникове, который проходит путь от «великого грешника» к праведнику. Страх Божий и стремление очистить свою душу у него вызывает видение мальчика, погибшего по его вине. Сначала в герое пробуждается жалостливость, затем он получает «дар слезный» [Достоевский 16: 321]. Наконец, герой обрекает себя на странничество, чтобы «за скорби и страдания предстоящие» получить искупление грехов [Достоевский 16: 322]. Себя Скотобойников сравнивает с «разбойником благоразумным», который был распят на Голгофе рядом с Иисусом Христом: «Яко же присоединил иногда Павла, так и меня прими, Господи, окаянного, яко же некоего изверга» [Достоевский 16: 402]. В черновиках романа автор высказывает свое отношение к Макару Долгорукому: «...хоть Макар и не знает жизни, но уже одною возможностью своего появления между людьми приносит необычайно более пользы, чем ОН, Версилов, с своим “знанием жизни” и с своим отчаянием, прямо выходящим из этого знания» [Достоевский 16: 396].

Имя «Макар» означает «блаженный», духовные беседы преп. Макария Египетского входили в круг чтения Ухтомского, его призыв к сво-

боде в Боге и «творению новой природы» соотносится им в этическом учении с отказом от самоутверждения и открытием духовных глубин собеседника на самом высоком уровне общения, который Ухтомский называл «сосредоточенным собеседованием» [Соколова: 205–208].

В романе «Братья Карамазовы» в жизнеописании Зосимы, которое осуществляет его ученик Алеша Карамазов, проступает этическая перспектива, развивается телеологический сюжет, который приводит героев к духовному свету и духовной радости. Самое яркое впечатление, которое Зосима вынес из детства, было связано с матерью и братом Маркелом. Умиравший от чахотки Маркел сумел в вере найти утешение и спасение: он пришел к мысли, что «всякий пред всеми за всех и за все виноват» [Достоевский 14: 262]. Эта доминанта, по признанию Зосимы, должна была в дальнейшем «откликнуться». Восемь лет в кадетском корпусе заглушили детские впечатления героя. С возникшей уже временной дистанции Зосима может назвать себя «существом почти диким, жестоким и нелепым» [Достоевский 14: 268]. Испытанием для героя становится любовь к «прекрасной девице, умной и достойной, характера светлого, благородного» [Достоевский 14: 267].

Сначала герой из себялюбия отказывается от брака, а когда появляется соперник, «пылает мщением» и вызывает его на дуэль. Внутренний переворот происходит накануне дуэли, после избиения слуги, которое отличалось «зверской жестокостью» [Достоевский 14: 270]. Зосима вспоминает слова брата Маркела перед смертью, сказанные слугам о том, что он не стоит их любви и служения. Вместе с прежней доминантой к герою приходит осознание того, что он собирается причинить зло двум достойным людям:

В самом деле, чем я так стою, чтобы другой человек, такой же, как я, образ и подобие Божие, мне служил [Достоевский 14: 270].

И представилась мне вдруг вся правда, во всем просвещении своем: что я иду делать? Иду убивать человека доброго, умного, благородного, ни в чем передо мной не повинного, а супругу его тем навеки счастья лишу, измучаю и убью [Достоевский 14: 270].

В ситуации испытания Зосима полагается на волю Божию: дает возможность противнику выстрелить в него, чтобы потом отказаться от выстрела. Обретая спасение, герой своим примером воздействует на

Михаила, своего «таинственного посетителя», «великого грешника», которому он предлагает пойти по пути признания в совершенном когда-то в молодости убийстве, покаянии и очищении души. Чтение Евангелия пробуждает в душе Михаила страх Божий («страшно впасть в руки Бога Живаго» [Достоевский 14: 281]), который останавливает его на пороге созревающего в нем преступления. Такой же страх Божий испытывает герой рассказа Макара Ивановича в романе «Подросток», купец Скотобойников.

Д. П. Маковицкий вспоминает, что в апреле 1905 г. в зале яснополянского дома Толстой вслух читал главу из «Братьев Карамазовых» — «Поединок»: «Место, где офицер дает пощечину денщику, читал сильным голосом; где офицер жалеет о том, что сделал, — рыдал и глотал слезы. Когда закончил, был очень растроган. Лицо в морщинах, усталый». Потом сидел, «погруженный в размышления, молчал» [Маковицкий: 239–240].

Путь спасения, похожий на историю купца Скотобойникова или «таинственного посетителя», проходит герой Толстого в повести «Фальшивый купон» (1905). Это произведение вошло в книгу «Посмертные художественные произведения Л. Н. Толстого», которая находилась в личной библиотеке Ухтомского¹. Степан Пелагеюшкин — «великий грешник», на душе которого убийство не одного человека. Он переступает через жизни других людей спокойно, уверенный в том, что все вокруг такие же, как он, грешники. В нем все более и более утверждается плотской человек. Изменения в герое начинают происходить после встречи с Марией Семеновной. Понимая, что Степан хочет ее убить, она думает не о себе, а о его погибающей душе: «Ох, великий грех. Что ты? Пожалей себя. Чужие души, а пуще свою губишь...» [Толстой 1983. 14: 171]. После случившегося Степана преследуют страшные видения: «являлись те трое — черные <...> выступали и шли с трех сторон, деля рожки и приговаривая: покончи, покончи. Петлю можно сделать, зажечь можно» [Толстой 1983. 14: 173–174]. Сначала герой, следуя своим двойникам, пытается покончить с собой. На полях книги Толстого Ухтомский пишет: «Тоже рост чувства» [Толстой 1911. 1: 97].

---

¹ Заметки Ухтомского сделаны на полях издания: *Толстой Л. Н. Посмертные художественные произведения Льва Николаевича Толстого: в 3 т. / под ред. В. Г. Черткова. М.: Издание А. Л. Толстой, 1911. Т. 1. 240 с.*

Чтение Евангелия окончательно меняет Степана, особенное впечатление на него производит рассказ «о благоразумном разбойнике» — «с этого времени Степан стал другим человеком» [Толстой 1983. 14: 177]. Когда судьба сводит его с Прокофием, который перед смертью сомневается в будущей жизни, Степан ему возражает, вспоминая праведницу Марию Семеновну: «Как же думаешь, я сколько душ загубил, а она, сердечная, только людям помогала. Что же, думаешь, мне с ней одно будет? Нет, погоди» [Толстой 1983. 14: 192]. Эти слова утешают умирающего человека. Рядом Ухтомский пишет: «Это один из центральных аргументов» [Толстой 1911. 1: 115]. Возможно, имя и фамилия героя не случайны: небесный покровитель Степана — святой великомученик Стефан, который стал известен как проповедник. А фамилия героя образована от имени Пелагея — Пелагея Антиохийская или Палестинская до крещения была легкомысленной грешницей, но после проповеди св. Нонна приняла крещение и стала монахиней.

В основе сюжета повестей «Фальшивый купон» (1904) и «Отец Сергей» (1898) лежит история блудного сына, который ушел от Отца, но раскаялся и вернулся. В начале повести «Отец Сергей» Степан Касатский представлен как плотской и страстный человек: во время вспышек гнева он «совершенно терял самообладание и делался зверем» [Толстой 1982. 12: 343]. Первое испытание героя — это отказ жениться на бывшей любовнице императора, выход в отставку и уход в монастырь. Писатель замечает, что руководят им при этом два чувства или две доминанты — гордость, желание самоутвердиться и «религиозное чувство» [Толстой 1982. 12: 348]. К. А. Родин определяет состояние героя как «оскорбленное самолюбие» [Родин: 496]. Второе испытание происходит на масленицу, в начале Великого поста: героя искушает женщина, постучавшаяся к нему в келью. Для отца Сергея она становится «двойником», одержимым похотью:

Глаза их встретились и узнали друг друга. Не то чтобы они видели когда друг друга: они никогда не видались, но во взгляде, которым они обменялись, они (особенно он) почувствовали, что они знают друг друга, понятны друг другу [Толстой 1982. 12: 358].

После победы над плотью взгляд героя меняется: «Он поднял на нее глаза, светившиеся тихим радостным светом» [Толстой 1982. 12: 363].

Освободившись от «двойника», отец Сергей чувствует в себе «соседа»: «Милая сестра, за что ты хотела погубить свою бессмертную душу?» [Толстой 1982. 12: 363]. Это так воздействует на героиню, что она уходит в монастырь и становится сестрой Аглаей. Святая Аглая Римская, небесная покровительница героини, находилась в незаконной связи с рабом, но после его мученической кончины стала христианкой и праведницей.

Третий круг испытаний для отца Сергея снова связан с женщиной, и на этот раз он его не выдерживает: вступает в связь с девушкой и даже хочет ее убить. Ему помогает воспоминание о Пашеньке — смиренной женщине, которую он знал с детства. Явившийся ему ангел отправляет героя узнать секрет праведной жизни к простой женщине, которая полностью посвятила себя семье. Святая покровительница Прасковьи — Параскева Пятница — защитница семьи и дома.

Рассказ «Алеша Горшок» (1905) также входит в первый том издания «Посмертные художественные произведения Л. Н. Толстого», который находился в библиотеке Ухтомского. В нем рассказывается о кротком человеке, чей удивительный характер, доброта и безответность соседствуют с веселостью:

Всегда он был весел. Ребята смеялись над ним; он молчал либо смеялся. Если отец ругал, он молчал и слушал. И как только переставали его ругать, он улыбался и брался за то дело, которое было перед ним» [Толстой 1983. 14: 196].

Алеша понравился кухарке Устинье, но хозяин и отец были против этого брака. На масленицу произошло объяснение Алешы с отцом, который приказал ему оставить мысли о женитьбе, и герой смирился со своей судьбой [Толстой 1983. 14: 199]. Несчастный случай, который происходит, видимо, в Великий пост, уводит его из жизни, но герой так же кротко принимает и смерть:

А то что ж? Разве все и жить будем? Когда-нибудь надо, — быстро, как всегда, проговорил Алеша. — Спасибо, Устюша, что жалела меня. Вот оно и лучше, что не велели жениться, а то бы ни к чему было. Теперь все по-хорошему [Толстой 1983. 14: 200].

Перед уходом из жизни, замечает автор, герой молится «сердцем и руками», не помня слов молитвы, а «в сердце у него было то, что как здесь хорошо, коли слушаешь и не обижаешь, так и там хорошо будет» [Толстой 1983. 14: 200]. Ниже этого рассказа Ухтомский оставляет запись карандашом «Удивительно. Это ведь стоит всего 1905 года. Со всеми его писателями!» [Толстой 1911: 136]. Молчаливая молитва Алеши соотносится с молитвой мальчика из пасхального рассказа Макара Долгорукого, поскольку мальчик перед смертью только «посмотрел в небеса» [Достоевский 13: 318].

Ю. И. Айхенвальд размышляет о герое рассказа «Алеша Горшок»:

Многодумная простота, последние выводы, итоги дней и размышлений, вся эта завершенная сокровищница Старика, облеклись в бесхитростную и углубленную форму примитива притчи — и вот получается «Алеша Горшок» — лучшее и самое гениальное, что есть во всем посмертном издании [Айхенвальд: 10].

Обращение к прецедентному тексту — притче о горчичном зерне в Евангелии от Матфея — расширяет понимание рассказа Толстого.

Иную притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его (Мф. 13: 31–32).

Так и Алеша — русский простец, незаметный и безответный герой, чист перед Богом и перед людьми, поэтому не страшится смерти. «Безобидный, неумудренный и улыбающийся, Алеша Горшок не знал грамоты, она ему не давалась; но больше всех грамотных мира познал он, для Толстого, смысл жизни» [Айхенвальд: 11]. В рассказе «Алеша Горшок» писатель выбирает прецедентное имя — Алексей, проводя параллель между жизнью героя и его небесного покровителя, Алексия, человека Божия.

Но если у Толстого почти нет молитв героев, то Достоевский показывает своих персонажей в их обращении к Богу. Толстой по поводу отца Сергия замечает: «Жизнь его была трудная. Не трудами поста и

молитвы, это были не труды, а внутренней борьбой, которой он никак не ожидал» [Толстой 1982. 12: 356]. Зосима, понимая, что происходит в душе его «таинственного посетителя», «заплакал о нем Пресвятой Богородице, скорой заступнице и помощнице» [Достоевский 14: 281]. В уста этого героя Достоевский вкладывает слова о необходимости молитвенного обращения к Богу:

Юноша, не забывай молитвы. Каждый раз в молитве твоей, если искренна, мелькнет новое чувство, а в нем и новая мысль, которую ты прежде не знал, и которая вновь ободрит тебя; и поймешь, что молитва есть воспитание. Запомни еще: на каждый день, и когда лишь можешь, тверди про себя: «Господи, помилуй всех, днесь пред Тобою представших». Ибо в каждый час и каждое мгновение тысячи людей покидают жизнь свою на сей земле и души их становятся пред Господом, — и сколь многие из них расстались с землею отъединенно, никому не ведомо, в грусти и тоске, что никто-то не пожалеет о них и даже не знает о них вовсе: жили ль они или нет. И вот, может быть, с другого конца земли вознесется ко Господу за упокой его и твоя молитва, хотя бы ты и не знал его вовсе, а он тебя. Сколь умилительно душе его, ставшей в страхе пред Господом, почувствовать в тот миг, что есть и за него молещик, что осталось на земле человеческое существо и его любящее. Да и Бог милостивее воззрит на обоих вас, ибо если уже ты столь пожалел его, то колыми паче пожалеет Он, бесконечно более милосердый и любовный чем ты. И простит его тебя ради [Достоевский 14: 288–289].

Исходя из толкования апостола Павла, Ухтомский делит людей на «естественных» (душевных), «плотских» (поступающих противоестественно) и «духовных» (которые естество преображают в духовное). К «духовным» людям можно отнести таких героев Достоевского, как Макар Долгорукий («Подросток») и Зосима («Братья Карамазовы»). Им открывается высшая ступень духовного совершенствования — молчание и благодатные слезы. Оба героя идут по пути нестяжания и странничества. Подобный тип праведничества обнаруживают и герои повестей Толстого «Фальшивый купон» и «Отец Сергий», но их путь не завершен.

Таким образом, в поздних произведениях Толстого и Достоевского преобладают динамические личности, которые, оказавшись перед вы-

бором, возвращаются к своей духовной доминанте, сформированной в детстве (Зосима из романа «Братья Карамазовы») или идут по пути формирования новой доминанты (Степан Пелагеюшкин, отец Сергей). Оба писателя сравнивают своих героев с евангельским «благоразумным разбойником». Исключением являются статические персонажи, несущие в себе свет праведничества (Алеша Горшок, Прасковья, Мария Семеновна — герои Толстого, князь Мышкин, Макар Долгорукий — герои Достоевского). Объединяет произведения Толстого и Достоевского не только тема праведничества, но и хронотоп, связанный с церковным календарем, телеологический сюжет, включающий мотивы испытания, нравственного выбора и движения героя к спасению, а также притчевое начало и прецедентные имена (св. Стефана, преп. Макария, Алексея человека Божьего и др.). Заметки Ухтомского о Толстом и Достоевском, его записи на полях «Добролюбия», сопоставление круга чтения Толстого и Достоевского позволяют обнаружить общие новозаветные и святоотеческие источники творчества двух великих писателей. Принцип доминанты Ухтомского показывает выбор героя, который является нравственным: в основе спасения лежит отказ от эгоизма и самоутверждения. Духовный человек постоянно находится в состоянии внутренней борьбы с плотскими страстями, будь это смиренный праведник-простец или «великий грешник», гордый человек, осознающий свое несовершенство и преодолевающий его.

Список литературы

Источники

Добротолубие в русском переводе, дополненное: в 5 т. 2-е изд. М.: Иждивением Русского на Афоне Пантелеймонова монастыря, 1895. Т. 2. 760 с.

Лесков Н. С. Граф Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви) // *Новости и Биржевая газета*. 1883. № 1, № 3.

Леонтьев К. Н. Наши новые христиане: Ф. М. Достоевский и гр. Лев Толстой: По поводу речи Достоевского на празднике Пушкина и повести гр. Толстого «Чем люди живы?». М.: Тип. Е. И. Погодиной, 1882. 68 с.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Толстой Л. Н. Посмертные художественные произведения Льва Николаевича Толстого: в 3 т. / под ред. В. Г. Черткова. М.: Изд. А. Л. Толстой, 1911. Т. 1. 240 с.

Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1978–1985.

Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.

Ухтомский А. А. Доминанта, как рабочий принцип нервных центров // *Русский физиологический журнал имени И. М. Сеченова*. М.; Пг., 1923. Т. VI. Вып. 1–3. С. 31–45.

Ухтомский А. А. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб.: Петербургский писатель, 1996. 528 с.

Исследования

Айхенвальд Ю. И. Посмертные сочинения Л. Н. Толстого с портретом Толстого. СПб.: Книгоизд-во и типо-лит. «Энергия», 1912. 64 с.

Аннинский Д. В. Граф Лев Николаевич Толстой, как моралист. Спасск: Скл. изд. у авт., 1914. 150 с.

Астафьев П. Е. Нравственное учение гр. Л. Н. Толстого и его критики // *Вопросы философии и психологии*. 1890. Кн. 4. С. 64–93.

Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание / сост. Н. Ф. Буданова и др. СПб.: Наука, 2005. 338 с.

Бобров Е. А. Этические воззрения графа Л. Н. Толстого и философская их критика. Юрьев: Печ. К. Маттисена, 1897. 100 с.

Бочаров С. Г. О художественных мирах: Сервантес, Пушкин, Баратынский, Гоголь, Достоевский, Толстой, Платонов. М.: Сов. Россия, 1985. 296 с.

Гусев А. Ф. О сущности религиозно-нравственного учения Л. Н. Толстого. Казань: Книжный магазин А. А. Дубровина, 1902. 620 с.

Климова С. М. Интеллигенция в поисках идентичности: Достоевский — Толстой. СПб.: Алетейя, 2018. 246 с.

Козлов А. А. Религия графа Л. Н. Толстого, его учение о жизни и любви. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 224 с.

Кочешкова Л. Е. Художественная философия и поэтика «малой» прозы Л. Н. Толстого в свете проблемы целостности: От повести «Казак» к рассказу «Алеша Горшок»: автореф. ... дис. канд. филол. наук. СПб., 2005. 21 с.

Маковицкий Д. П. «Яснополянские записки» // Литературное наследство. М.: Наука, 1979. Т. 90: У Толстого (1904–1910). Кн. 1. 544 с.

Матвеева И. Ю. Темы Достоевского в повести Л. Толстого «Фальшивый купон» // Вопросы литературы. 2022. № 6. С. 81–99.

Назирова Р. Г. Традиции Гоголя и Пушкина в русской прозе XIX века. Сравнительная история фабул // Назировский архив. 2020. № 4 (30). С. 34–261.

Плоды учения гр. Л. Н. Толстого: критика религиозно-философского учения Толстого: приложение к журналу «Церковные ведомости», изданным при Святейшей Синоде: в 2 кн. СПб.: Синодальная тип., 1896. Кн. 1. 76 с.

Полнова К. К. Нравственное значение и эстетический смысл народных рассказов Л. Н. Толстого // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 1 (75). С. 168–171.

Розенблюм Л. Толстой и Достоевский: Пути сближения // Вопросы литературы. 2006. № 6. С. 169–197.

Роговер Е. С. Художественное своеобразие повести Л. Н. Толстого «Фальшивый купон» // Духовное наследие Л. Н. Толстого в современных культурных дискурсах. Материалы XXXV Международных Толстовских чтений. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2016. С. 105–116.

Родин К. А. Толстой и Достоевский: два образа обретения Бога // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 4. Ч. 2. С. 491–501.

Саису Н. Восприятие романа «Идиот» в Японии // Философский полилог. 2017. Вып. 1. С. 79–88.

Скафтымов А. П. Образ Кутузова и философия истории в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» (подготовительные материалы) // Евгений Александрович Маймин и его время. Материалы Международной научной конференции. Псков: Псковский гос. ун-т, 2017. С. 128–140.

Скафтымов А. П. Тематическая композиция романа «Идиот» // Поэтика художественного произведения / сост. В. В. Прозоров, Ю. Н. Борисов. М.: Высшая школа, 2007. С. 132–191.

Соколова Л. В. А. А. Ухтомский и комплексная наука о человеке. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2010. 316 с.

Тарасов А. Б. Повесть Л. Н. Толстого «Фальшивый купон» — «житийная литература нового времени» // Проблемы исторической поэтики. 2005. Т. 7. С. 409–415.

Тарасов А. Б. Феномен праведничества в художественной картине мира Л. Н. Толстого: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 36 с.

Фаленкова Е. В. «Стратегия пути» странника как модель духовного развития человека в творчестве позднего Л. Н. Толстого // Вестник Волгоградского государственного университета. 2014. № 2. С. 20–25.

Федорова Е. А. Телеологический сюжет в романах «Капитанская дочка» А. С. Пушкина и «Война и мир» Л. Н. Толстого // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21, № 4. С. 102–129. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2023.13123>

Черткова А. К. Л. Н. Толстой и его знакомство с духовно-православной литературой // *Голос минувшего*. 1913. № 5. С. 219–227.

Catteau J. Dostoevsky and the Process of Literary Creation. New York: Cambridge University Press, 1989. 553 p.

Čyževskýj D. Literarische Lesefrüchte. Teil 3 // *Zeitschrift Für Slavische Philologie*. 1934. Vol. 11, № 1/2. P. 21–34.

Dostoevsky and the Christian tradition / ed. by George Pattison and Diane Oenning Thompson. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 281 p.

Jahn G. R. A note on miracle motifs in the later works of Lev Tolstoy // *The Supernatural in Slavic and Baltic literature: Essays in honor of Victor Terras* / ed. by Amy Mandelker and Roberta Reeder. Columbus (Ohio): Slavica Publ., 1988. 402 p.

Jones M. V. Dostoevskii and religion // *The Cambridge Companion to Dostoevskii* / ed. by W. J. Leatherbarrow. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 148–174.

Mclean H. Tolstoy and Jesus // *Christianity and the Eastern Slavs*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1994. Vol. 2: Russian Culture in Modern Times. P. 103–123.

Müller L. Dostojewskij und Leontjew: Leontjews Aufsätze über Dostojewskijs Puschkin // *Deutsche Dostojewskij-Gesellschaft*. 2003. Jahrbuch. № 10. P. 56–58.

Terras V. Reading Dostoevsky. Madison: University of Wisconsin Press, 1998. 171 p.

References

- Aikhenvaĭd, Iu. I. *Posmertnye sochineniia L. N. Tolstogo s portretom Tolstogo* [*Posthumous Works of L. N. Tolstoy with a Portrait of Tolstoy*]. St. Petersburg, Knigoizdatel'stvo i tipo-litografiia "Energiia" Publ., 1912. 64 p. (In Russ.)
- Anninskii, D. V. *Graf Lev Nikolaevich Tolstoi, kak moralist* [*Count Lev Nikolaevich Tolstoy as a Moralist*]. Spassk, Sklad izdatelia u avtora Publ., 1914. 150 p. (In Russ.)
- Astaf'ev, P. E. "Nravstvennoe uchenie gr. L. N. Tolstogo i ego kritiki" ["The Moral Teaching of Count L. N. Tolstoy and His Critics"]. *Voprosy filosofii i psikhologii*, book 4, 1890, pp. 64–93. (In Russ.)
- Biblioteka F. M. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie* [*F. M. Dostoevsky's Library: Experience of Reconstruction. Scientific Description*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)
- Bobrov, E. A. *Eticheskie vozzreniia grafa L. N. Tolstogo i filosofskaiia ikh kritika* [*Ethical Views of Count L. N. Tolstoy and their Philosophical Criticism*]. Yuryev, K. Mattisen Publ., 1897. 100 p. (In Russ.)
- Bocharov, S. G. *O khudozhestvennykh mirakh: Servantes, Pushkin, Baratynskii, Gogol', Dostoevskii, Tolstoi, Platonov* [*About the Artistic Worlds: Cervantes, Pushkin, Baratynsky, Gogol, Dostoevsky, Tolstoy, Platonov*]. Moscow, Sovetskaia Rossiia, 1985. 296 p. (In Russ.)
- Gusev, A. F. *O sushchnosti religiozno-nravstvennogo ucheniia L. N. Tolstogo* [*On the Essence of the Religious and Moral Teachings of L. N. Tolstoy*]. Kazan, Bookstore of A. A. Dubrovin Publ., 1902. 620 p. (In Russ.)
- Klimova, S. M. *Intelligentsiia v poiskakh identichnosti: Dostoevskii — Tolstoi* [*Intelligentsia in Search of Identity: Dostoevsky — Tolstoy*]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2018. 246 p. (In Russ.)
- Kozlov, A. A. *Religiia grafa L. N. Tolstogo, ego uchenie o zhizni i liubvi* [*The Religion of Count L. N. Tolstoy, His Teaching About Life and Love*]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2011. 224 p. (In Russ.)
- Kocheshkova, L. E. *Khudozhestvennaia filosofiiia i poetika "maloi" prozy L. N. Tolstogo v svete problemy tselostnosti: Ot povesti "Kazaki" k rasskazu "Alesha Gorshok"* [*Artistic Philosophy and Poetics of L. N. Tolstoy's "Small" Prose in the Light of the Problem of Integrity: From the Story "Cossacks" to the Story "Alyosha the Pot": PhD Thesis, Summary*]. St. Petersburg, 2005. 21 p. (In Russ.)
- Makovitskii, D. P. "Iasnopolianskie zapiski" ["Yasnaya Polyana Notes"]. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 90: U Tolstogo (1904–1910) [At Tolstoy's Place (1904–1910)], book 1. Moscow, Nauka Publ., 1979. 544 p. (In Russ.)
- Matveeva, I. Iu. "Temy Dostoevskogo v povesti L. Tolstogo 'Fal'shiviy kupon'" ["Dostoevsky's Themes in Leo Tolstoy's Story 'False Coupon'"]. *Voprosy literatury*, no. 6, 2022, pp. 81–99. (In Russ.)
- Nazirov, R. G. "Traditsii Gogolia i Pushkina v russkoi proze XIX veka. Sravnitel'naia istoriia fabul" ["Traditions of Gogol and Pushkin in Russian Prose of the 19th Century. Comparative History of Plots"]. *Nazirovskii arkhiv*, no. 4(30), 2020, pp. 34–261. (In Russ.)
- Plody ucheniia grafa L. N. Tolstogo: kritika religiozno-filosofskogo ucheniia Tolstogo: prilozhenie k zhurnalu "Tserkovnye vedomosti", izdannym pri Sviateishei Sinode: v 2 kn.*

[*The Fruits of Leo Tolstoy's Teachings: Criticism of Tolstoy's Religious and Philosophical Teachings: Supplement to the Journal "Church Bulletin," Published Under the Holy Synod: in 2 books*], book 1. St. Petersburg, Sinodal'naia tipografiia Publ., 1896. 76 p. (In Russ.)

Polnova, K. K. "Nravstvennoe znachenie i esteticheskii smysl narodnykh rasskazov L. N. Tolstogo" ["The Moral Significance and Aesthetic Meaning of Leo Tolstoy's Folk Stories"]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 1 (75), 2017, pp. 168–171. (In Russ.)

Rozenblium, L. "Tolstoi i Dostoevskii: Puti sblizheniia" ["Tolstoy and Dostoevsky: Paths of Rapprochement"]. *Voprosy literatury*, no. 6, 2006, pp. 169–197. (In Russ.)

Rogover, E. S. "Khudozhestvennoe svoeobrazie povesti L. N. Tolstogo 'Fal'shivyi kupon'." ["Artistic Uniqueness of Leo Tolstoy's Story 'False Coupon'."] *Dukhovnoe nasledie L. N. Tolstogo v sovremennykh kul'turnykh diskursakh. Materialy XXXV Mezhdunarodnykh Tolstovskikh chtenii [The Spiritual Heritage of Leo Tolstoy in Modern Cultural Discourses. Materials of the XXXV International Tolstoy Readings]*. Tula, Tula State Pedagogical University named after Leo Tolstoy Publ., 2016, pp. 105–116. (In Russ.)

Rodin, K. A. "Tolstoi i Dostoevskii: dva obraza obretheniia Boga" ["Tolstoy and Dostoevsky: Two Images of Finding God"]. *Ideas and ideals*, vol. 13, no. 4, part 2, 2021, pp. 491–501. (In Russ.)

Saisu, N. "Vospriatie romana 'Idiot' v Iaponii" ["Perception of the Novel 'The Idiot' in Japan"]. *Filosofskii polilog*, issue 1, 2017, pp. 79–88. (In Russ.)

Skaftymov, A. P. "Obraz Kutuzova i filosofia istorii v romane L. N. Tolstogo 'Voina i mir' (podgotovitel'nye materialy)" ["The Image of Kutuzov and the Philosophy of History in Leo Tolstoy's Novel 'War and Peace' (Preparatory Materials)"]. *Evgenii Aleksandrovchi Maimin i ego vremia. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Evgeny Aleksandrovchi Maimin and His Time. Materials of the International Scientific Conference]*. Pskov, Pskov State University Publ., 2017, pp. 128–140. (In Russ.)

Skaftymov, A. P. "Tematicheskaiia kompozitsiia romana 'Idiot'." ["Thematic Composition of the Novel 'The Idiot'."]. *Poetika khudozhestvennogo proizvedeniia [Poetics of a Work of Art]*. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 2007, pp. 132–191. (In Russ.)

Sokolova, L. V. A. A. *Ukhtomskii i kompleksnaia nauka o cheloveke [A. A. Ukhtomsky and the Complex Science of Man]*. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2010. 316 p. (In Russ.)

Tarasov, A. B. "Povest' L. N. Tolstogo 'Fal'shivyi kupon' — 'zhitiinaia literatura novogo vremeni'." ["Leo Tolstoy's Story 'False Coupon' as 'Hagiography of Modern Times.'"] *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 7. 2005, pp. 409–415. (In Russ.)

Tarasov, A. B. *Fenomen pravednichestva v khudozhestvennoi kartine mira L. N. Tolstogo [The Phenomenon of Righteousness in Leo Tolstoy's Artistic Picture of the World: DSc Thesis, Summary]*. Moscow, 2006. 36 p. (In Russ.)

Falenkova, E. V. "Strategiia puti' strannika kak model' dukhovnogo razvitiia cheloveka v tvorchestve pozdnego L. N. Tolstogo" ["'Strategy of the Path' of the Wanderer as a Model of Human Spiritual Development in Leo Tolstoy's Later Works"]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, 2014, pp. 20–25. (In Russ.)

Fedorova, E. A. “Teleologicheskii suzhet v romanakh ‘Kapitanskaia dochka’ A. S. Pushkina i ‘Voina i mir’ L. N. Tolstogo” [“Teleological Plot in the Novels ‘The Captain’s Daughter’ by A. S. Pushkin and ‘War and Peace’ by L. N. Tolstoy”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 21, no. 4, 2023, pp. 102–129. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2023.13123> (In Russ.)

Chertkova, A. K. “L. N. Tolstoi i ego znakomstvo s dukhovno-pravoslavnoi literaturoi” [“Leo Tolstoy and His Acquaintance with Spiritual-Orthodox Literature”]. *Golos minuvshago*, no. 5, 1913, pp. 219–227. (In Russ.)

Catteau, Jacques. *Dostoevsky and the Process of Literary Creation*. New York, Cambridge University Press, 1989. 553 p. (In English)

Čyževskýj, Dmytro. “Literarische Lesefrüchte. Teil 3.” *Zeitschrift Für Slavische Philologie*, vol. 11, no. 1/2, 1934, pp. 21–34. (In German)

Pattison, George, and Diane Oenning Thompson, editors. *Dostoevsky and the Shristian Tradition*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 281 p. (In English)

Jahn, Gary R. “A Note on Miracle Motifs in the Later Works of Lev Tolstoy.” Mandelker, Amy, and Roberta Reeder, editors. *The Supernatural in Slavic and Baltic Literature: Essays in Honor of Victor Terras*. Columbus, Ohio, Slavica Publ., 1988. 402 p. (In English)

Jones, Malcolm V. “Dostoevskii and Religion.” Leatherbarrow, William J., editor. *The Cambridge Companion to Dostoevskii*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002, pp. 148–174. (In English)

Mclean, Hugh. “Tolstoy and Jesus.” *Christianity and the Eastern Slavs*, vol. 2: Russian Culture in Modern Times. Berkeley, Los Angeles, University of California Press, 1994, pp. 103–123. (In English)

Müller, Ludolf. “Dostojewskij und Leontjew: Leontjews Aufsätze über Dostojewskijs Puschkin.” *Deutsche Dostojewskij-Gesellschaft*, nu. 10, Jahrbuch, 2003, pp. 56–58. (In German)

Terras, Victor. *Reading Dostoevsky*. Madison, University of Wisconsin Press, 1998. 171 p. (In English)